

Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда

Цель исследования – анализ масштабов присутствия мигрантов и их поведения на российском рынке труда на основе масштабных социологических опросов мигрантов, что особенно важно в условиях отсутствия достоверной статистики о мигрантах на рынке труда. Основное внимание уделяется профилям занятости представителей различных социально-демографических и этнических групп, незаконной и неформальной занятости, интенсивности и оплате труда мигрантов из стран с безвизовым режимом с Россией. Ключевое внимание уделено трудовой мобильности мигрантов.

Основной эмпирической базой для анализа являлись результаты социологических опросов Центра этнополитических и региональных исследований для НИУ-ВШЭ в 2011 г. (8,5 тысяч респондентов) и в 2017 г. (8,6 тысяч мигрантов в 19 регионах России).

Исследование показало, что образование, квалификация, профессиональные знания мигрантов не востребованы на российском рынке, типичной траекторией мигрантов на рынке труда является нисходящая трудовая мобильность – занятие вакансии, худшей по сравнению с занимаемой ранее на Родине. В то же время мигранты адаптированы к изменениям на рынке труда, чему в немалой степени способствуют дифференциация занятости мигрантов и вертикальная мобильность части из

них. Новации в российском законодательстве, вступившие в силу с 2015 года, а также процесс интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), существенно облегчивший доступ к рабочим местам в России гражданам стран ЕАЭС, позитивно сказались на российском рынке труда. Доля нелегально работающих мигрантов существенно снизилась по сравнению с предшествующими годами. В то же время сохраняется проблема неформальной занятости иностранных граждан, чрезмерной эксплуатации труда мигрантов. На первый план выходят проблемы борьбы с принудительным трудом мигрантов и обеспечения их достойного труда. Должны быть созданы цивилизованные условия для легализации трудовой деятельности мигрантов, стимулирования их переориентации на интеграцию в российское общество. Самое серьезное внимание должно быть уделено предотвращению социальной исключенности приезжающих на заработки в Россию, созданию действенных инструментов их вторичной социализации и адаптации к российским реалиям.

Ключевые слова: мигранты, трудовые мигранты, рынок труда, занятая, мобильность, интенсивность труда, оплата труда, незаконная занятость, неформальная занятость, принудительный труд.

Vladimir I. Mukomel

The Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Migrants at the Russian labor market: occupations, mobility, intensity of labor and wages

The aim of the study is to analyze the extent of the presence of migrants and their behavior in the Russian labor market on the basis of large-scale sociological surveys of migrants. This is especially important in the absence of reliable statistics on migrants in the labor market. The main attention is paid to the employment profiles of representatives of various socio-demographic and ethnic groups, illegal and informal employment, the intensity and wages of migrants from countries with a visa-free regime with Russia. Particular attention is paid to labor mobility of migrants.

The main empirical basis for analysis was the results of sociological polls conducted by the Center for Ethnopolitical and Regional Studies for the Higher School of Economics in 2011. (8,5 thousand respondents) and in 2017 (8,6 thousand migrants in 19 regions of Russia). The study showed that education, qualifications, professional knowledge of migrants are not in demand on the Russian market, the typical path of migrants in the labor market is downward labor mobility – occupying a job that is worse than previously occupied in the homeland. At the same time, migrants are adapted to changes in the labor market, which is largely facilitated by the differentiation of migrant employment and the vertical mobility of some of them.

Innovations in Russian legislation which came into force in 2015, as well as the integration process within the framework of the Eurasian Economic Union (EEA), which greatly facilitated access to jobs in Russia for citizens of the countries of the EEA, had a positive impact on the Russian labor market. The share of illegally employed migrants has significantly decreased in comparison with previous years. At the same time, the problem of informal employment of foreign citizens, excessive exploitation of migrant labor remains. The problems of combating forced labor of migrants and ensuring their decent labor come to the fore. Civilized conditions should be created for the legalization of labor activity of migrants, stimulating their reorientation to integrate into Russian society. The most serious attention should be paid to preventing the social exclusion of migrants to work in Russia, creating effective tools for their secondary socialization and adaptation to Russian realities.

Keywords: migrants, migrant workers, labor market, occupations, mobility, intensity of labor, wages, illegal employment, informal employment, forced labor.

Введение

На территории России постоянно находятся в последние годы от 9,2 до 11,8 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства (на 1 марта 2017 г. — 9,3 млн. человек). По меньшей мере 4 млн. человек пребывают в стране с целью «работать по найму», указываемой при пересечении границы в миграционной карте [1, с. 19]. Подавляющее большинство мигрантов — из стран Средней Азии, с иными традициями и нормами поведения, зачастую отличающимися от принятых в местных сообществах. Конъюнктурное снижение численности мигрантов в России в последние годы преходяще и не снимает ни проблем их адаптации к рынку труда, ни проблем реакции принимающего населения на присутствие трудовых мигрантов на локальных рынках труда, ни вопросов к эффективности использования иностранной рабочей силы.

Сегодня крайне мало известно о трудовых мигрантах; информационный вакуум способствует формированию стереотипов и мифологических представлений о трудовых мигрантах, а так как миграционная тематика в российском дискурсе крайне политизирована, это способствует росту социальной напряженности. В российском дискурсе особую важность приобретают вызовы, сопряженные с социальной исключенностью мигрантов, угрожающие социальной стабильности и которые невозможно купировать вне рамок политики интеграции мигрантов. Альтернативы адаптации тех из них, кто ориентирован на временное пребывание в стране и интеграции намеренных связать свое будущее с Россией не существует.

Одной из наиболее сложных сфер политики интеграции является адаптация и интеграция мигрантов на рынке труда.

В настоящей статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются иностранные граждане на российском рынке труда. Основное внимание уделяется не столько правовым и финансовым аспектам доступа мигрантов на рынок труда, заслуживающим особого внимания, сколько анализу их функционирования на этом рынке — без такого анализа крайне затруднена разработка действенных инструментов политики интеграции.

Всплеск трудовой миграции в первой декаде 2000-х, когда численность трудовых мигрантов возросла на порядок [2, с. 142] в известной мере был неожиданным для исследователей, которым, однако, стало ясно, что трудовая миграция — всерьез и надолго. На это указывали прогнозы экономического и, особенно, демографического развития России — по всем прогнозам, Россия должна была испытывать дефицит трудовых ресурсов: даже по высокому варианту прогноза Росстата от 2008 г. численность населения в трудоспособном возрасте неуклонно снижалась [3, с. 96–98]. (Этот тренд прослеживается и в последнем прогнозе Росстата от 2017 года [4]). Понимание того, что дефицит трудовых ресурсов можно восполнить только за счет привлечения иностранной рабочей силы стимулировал научные исследования, появляются серьезные работы, обозначающие направления исследований на последующие годы [5; 6; 7; 8; 9].

Тогда и обозначились четыре проблемы, до сих пор затрудняющие изучение процессов трудовой миграции в России. Во-первых, серьезное отставание теоретического осмысления феномена трудовой миграции и прикладных исследований по сравнению с западными исследованиями, где работы, ставшие классическими, были опубликованы десятилетиями раньше [10; 11;

12; 13; 14; 15]. Во-вторых, неудовлетворительное состояние статистики, существенно ограничивающей возможности анализа. Реорганизация ФМС России и передача ее функций в МВД России (2015) ограничила возможности доступа исследователей и к той скудной информации, которая была ранее доступна. Проблемы со статистикой, наряду с пониманием, что статистика имеет свои ограничения, подталкивала аналитиков к ориентации на социологические исследования, преимущественно количественные, ставшие основой подавляющего большинства вышеназванных российских научных публикаций. И здесь обозначилась третья проблема — отсутствие базовой информации о процессах миграции не позволяет судить о репрезентативности социологических опросов. И, наконец, в-четвертых, ограниченность финансовых ресурсов вела к локализации исследований и/или относительно небольшим выборкам, не позволяющим делать сколько-нибудь достоверные выводы в силу малочисленности групп при попытках дезагрегации выборки.

Настоящее исследование базируется на исследованиях, методология которых ориентирована на частичное решение двух последних проблем за счет масштабных опросов, охватывающих основные регионы концентрации трудовых мигрантов по данным миграционной службы. Исследования, проведенные под руководством автора, включали: опросы Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) трудовых мигрантов для НИУ-ВШЭ в 2011 г. (8499 респондентов) и 2017 г. (8577 респондентов), а также внешних, внутренних мигрантов и российских работников для Центра социально-трудовых прав (ЦСТП) в 2013 г. — 1500 респондентов [16].

Обследование 2017 г. проведено в 19 субъектах Федерации: Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Волгоградской области, Воронежской области, Калининградской области, Калужской области, Краснодарском крае, Красноярском крае, Нижегородской области, Новосибирской области, Ростовской области, Самарской области, Свердловской области, Тверской области, Тюменской области, Пермском крае, Челябинской области. На регионы опроса приходится 2/3 легально находящихся на территории субъектов Федерации и стоящих на миграционном учете и 4/5 имеющих патенты.

Опрашивались иностранные граждане из стран СНГ и Грузии независимо от их правового статуса, этнической принадлежности. На уровне субъектов контролировалась численность мигрантов по нескольким наиболее значимым для данного региона государствам гражданства мигрантов. В выбранных субъектах находится, по данным Центрального банка учета иностранных граждан и лиц без гражданства (ЦБДУИГ), от 43 % (Казахстан) до 80% (Таджикистан, Киргизия) выходцев из основных посылающих государств (Ниже, если не оговорено иное, приводятся данные настоящего исследования).

Ключевые вопросы, на которые будет сделана попытка найти ответы в настоящей статье, следующие: кто такие трудовые мигранты, каков их социально-демографический состав? Каковы профили занятости трудовых мигрантов в разрезе различных социально-демографических групп и стран выхода? Насколько распространены незаконная и неформальная занятость? Какова интенсивность и оплата труда мигрантов? Какова их трудовая мобильность?

Таблица

Основные социально-демографические характеристики мигрантов (в %)

Параметры		Мужчины	Женщины	Всего
Возраст, лет	До 20	3,2	2,6	3,0
	20–29	42,0	26,1	36,9
	30–39	28,8	29,3	28,9
	40–49	16,9	26,3	19,9
	50–59	8,4	12,8	9,8
	60 и старше	0,9	3,0	1,6
Семейное положение	Никогда не состоявшие в браке	32,8	18,1	28,1
	Состоящие в браке (вкл. гражданский и религиозный)	63,1	60,8	62,4
	Вдовье, разведенные	3,8	20,6	9,2
Наивысшее законченное образование	Начальное и незаконченное среднее	3,5	3,0	3,3
	Среднее общее	52,3	36,5	47,2
	Начальное профессиональное	6,5	6,4	6,5
	Среднее специальное	22,3	27,4	23,9
	Высшее, неполное высшее	15,4	26,5	19,0

Социально-демографические профили

Типичный мигрант – молодой мужчина со средним образованием, состоящий в браке – Таблица.

Соотношение мужчин и женщин различается в миграционных потоках из разных стран. Доля мужчин наиболее высока среди мигрантов, прибывающих из Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана. В отличие от потоков из других стран постсоветского пространства, украинская и молдавская миграция, имеют ярко выраженное женское лицо: половина мигрантов из Молдовы – женщины (49,9%), а среди мигрантов из Украины женщины составляют большинство – 54,6%.

Отметим разительные отличия в семейном положении женщин и мужчин: среди женщин каждая пятая – вдовья или разведена, в том числе каждая седьмая (14,4%) – разведена. Женщины не только старше и существенно образованнее мужчин, они чаще мужчин приезжают из столицы и больших городов страны

происхождения. (Несмотря на распространенный стереотип о том, что в Россию на заработки едут в основном сельские жители, в действительности среди мигрантов больше приезжих из столиц и крупных городов. Доля жителей сел и кишлаков в выборочной совокупности составляет всего 10%. Наиболее высока доля сельского населения в миграционных потоках из Азербайджана, Киргизии и Молдовы. Жители столиц и крупных городов чаще всего встречаются среди приезжих из Казахстана, Белоруссии и Украины).

Женщины стали особенно интенсивно приезжать в последние годы: если среди мужчин 32,1% приехали после 2013 года, то среди женщин – 40,6%.

Этническая принадлежность мигрантов в подавляющем большинстве случаев соответствует титульной национальности страны исхода. Вместе с тем, следует отметить, что довольно существенная доля опрошенных (11,5%) отнесла себя к русским. Большинство из них прибыло из Украины, Казахстана и Бело-

руссии. (Причем среди мигрантов из Украины русские составляют большинство – 56,3%).

Уровень образования мигрантов в целом не очень высок: почти половина всех мигрантов – это люди с общим средним образованием.

Женщины образованнее мужчин: они чаще имеют среднее профессиональное и высшее образование (27,4% против 22,3% и 23,6% против 13,1% соответственно). Тогда как более половины мужчин обладает лишь общим средним образованием.

Приезжие из столиц и крупных городов ожидаемо образованнее приезжих из сельской местности: высшее и неоконченное высшее образование имеют 27,9% мигрантов из столиц, 19,8% мигрантов из крупных городов и лишь 10,5% мигрантов из сел и кишлаков. Самый низкий уровень образования у мигрантов из Таджикистана и Узбекистана, наиболее образованы выходцы из Украины, Казахстана и Грузии.

Подавляющее большинство опрошенных респондентов работают (84,3%). Еще 9,4% – временно не работают, но ищут работу, тогда как временно не работающие, но не ищущие работу, составляют 1,3%. Остальные – учащиеся (2,3%), домохозяйки (1,5%) и не работающие пенсионеры (0,6%).

Профили занятости

Основными видами занятости мигрантов являются: оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий – 33,6% работающих, строительство – 16,3%, коммунальные, социальные и персональные услуги – 13,9%, домашние хозяйства – 8,0% гостиницы и общественное питание – 7,2%, транспорт и связь – 7,0% работающих. На иные виды экономической деятельности приходится менее 15% работающих.

Сферы занятости мигрантов диверсифицируются и все больше мигрантов занимают рабочие места, на которых работодатель предъявляет повышенные требования к работнику: прогнозируемость ежедневного выхода на работу, знание языка, умение работы в коллективе. По сравнению с обследованием 2011 года снизилась занятость мигрантов в торговле, где тогда работали 33,6% опрошенных, особенно существенно снижение занятых в строительстве, где работали 23,1%, в транспорте и связи (8,4%). Напротив, резко возросла доля занятых в домашних хозяйствах, где в 2011 г. доля занятых была почти вдвое меньше (4,4%), работающих в гостиничном и ресторанном бизнесе (6,2%), на обрабатывающих производствах и иных видах экономической деятельности.

Большинство на рынке труда – мужчины, их доля составляет, соответственно, 69,4% среди работающих и 72,8% среди ищущих работу. Наряду с основными сферами занятости, которыми у мужчин являются торговля (27,0%) и строительство (22,4% работающих), мужчины широко представлены также в коммунальном хозяйстве (14,0%), на транспорте и связи (9,1%). По сравнению с 2011 г. в выборке 2017 г. резко сократилась доля мужчин, занятых в строительстве (30,9% в 2011 г.) и торговле (28,9% в 2011 г.).

Основная часть женщин занята в торговле (48,9%), в коммунальных и социальных услугах (13,9%), гостиничном бизнесе и общественном питании (11,2%), деятельности домашних хозяйств (5,8%). По сравнению с 2011 г. сократилась доля женщин, занятых в торговле (в 2011 г. – 52,8%), гостиничном и ресторанном бизнесе (12,6% в 2011 г.), тогда как возросла занятость в прочих коммунальных, социальных и персональных услугах,

деятельности домашних хозяйств.

Сферы возможного трудоустройства для женщин (уборка, обслуживание) предоставляют очень небольшое пространство для возможного профессионального роста и женщины, как правило, менее притязательны при выборе места работы. Особенно сложно найти работу женщинам после 35 лет: в возрастной группе 40–44 года, например, ищут работу 14,6% женщин против 8,9% среди мужчин этого же возраста. Возможностей устроиться у молодых незамужних девушек больше, чем у замужних женщин: во-первых, таковы требования работодателей в сфере обслуживания: хорошее знание русского языка, возраст до 30 лет, «приятная внешность»; во-вторых, молодая, часто незамужняя девушка, может соглашаться на неудобный скользящий график. Женщины же более старшего возраста часто теряют возможность устроиться легально и могут надеяться лишь на неофициальные подработки.

Имеются определенные различия в видах экономической деятельности долгосрочных (находящихся на территории России более года), краткосрочных / циркулярных мигрантов, а также только впервые прибывших и начавших трудовую деятельность в России. Если долгосрочные мигранты однозначно концентрируются в торговле, для циркулярных мигрантов привлекательны также строительство и транспорт, – виды деятельности, позволяющие им регулярно совершать поездки на Родину, к семье. В строительстве, например, более половины работающих – циркулярные, кратковременные мигранты.

Впервые прибывшие на российский рынок труда – многие из них являются выпускниками образовательных учреждений – занимают «плохие» рабочие места, не предъявля-

ющие серьезных требований к квалификации и образованию работников: больше половины из них, работают неквалифицированными рабочими. Им сложно устроиться на рабочие места, требующие прогнозируемого для работодателя появления работника на рабочем месте в течение протяженного периода времени. Это транспорт и связь, здравоохранение, образование, деятельность домашних хозяйств (за исключением строительных и ремонтных работ), отчасти торговля. Впервые прибывших чаще можно встретить на рабочих местах, не предъявляющих таких требований к работнику: коммунальное хозяйство, сельское хозяйство.

Среди иностранных работников имеются и квалифицированные, и высококвалифицированные специалисты, однако их удельный вес невысок: руководителями (группа 1 по ОКЗ [17]) работают лишь 2,0% мигрантов, специалистами высшей и средней квалификации (группы 2 и 3 по ОКЗ) – 2,3% и 3,0%, соответственно. Служащие, занятые подготовкой документации, учетом и обслуживанием – еще 2,3% мигрантов. Наиболее массово представлены на российском рынке труда работники сферы обслуживания и торговли – 29,2% работающих мигрантов.

Основная часть работников (61,2%) заняты физическим трудом, причем неквалифицированные работники составляют почти треть (32,2%) работающих мигрантов. Как правило, это рядовые исполнители, не имеющие в подчинении других работников (88,9% мигрантов).

Наиболее распространена занятость в небольших предприятиях и организациях: на предприятиях с численностью до 10 человек работают 40,3% мигрантов, с численностью занятых 10–49 человек – 35,7% мигрантов. (Градации, соответственно, микро- и малых предприятий в странах ОЭСР.

По российскому законодательству, к микропредприятиям относятся с численностью занятых до 15 человек, малым – до 100 человек).

Незаконная и неформальная занятость

Значительная часть работающих мигрантов не имеет законных оснований для занятия трудовой деятельностью. Очень высока доля работающих без законных на то оснований в домашних хозяйствах – 49,2%, сельском хозяйстве – 39,2%, мало – в системе образования, где особенно жесткий контроль не только со стороны компетентных органов, но и со стороны общественности (11,7%). Несмотря на относительно небольшую долю не имеющих разрешительных документов в торговле (28,1%), почти каждый третий мигрант с неурегулированным правовым статусом на рынке труда работает в этой сфере (32,9%), среди других видов экономической деятельности, в которых концентрируются незаконные мигранты – строительство (15,6% незаконных трудовых мигрантов), коммунальные услуги (12,2%) и деятельность домашних хозяйств (12,0%).

Наиболее распространена нелегальная занятость на микро- и малых предприятиях. На микропредприятиях с численностью занятых до 15 человек треть (33,2%) работают без законных на то оснований (в т.ч. на предприятиях с численностью до 10 человек – 34,1%), на малых предприятиях до 100 человек – 24,3% (что ниже, чем на средних предприятиях, где нелегально работают 28,4% респондентов). На крупных предприятиях, где строже относятся к проблеме и которые строже контролируются, доля нелегально работающих минимальна – 18,4%. Но, учитывая, что большинство иностранных работников сконцентрировано в малом бизнесе, здесь концен-

трируется и нелегальная занятость: на микропредприятиях работает 57,2% опрошенных работников с неурегулированным правовым статусом, на малых – 22,2%.

Чаще всего работают незаконно выходцы из Грузии, Молдовы, Азербайджана, Узбекистана. Лишь в исключительных случаях работают незаконно приезжие из Белоруссии, не столь часто – мигранты из стран ЕАЭС, пользующиеся преференциями на российском рынке труда в рамках соглашений стран-членов ЕАЭС.

Наряду с незаконной занятостью, широко распространена неформальная занятость, когда отношения с работодателем не оформляются документально. (Неформальная занятость не является явлением, затрагивающим исключительно иностранцев; неформальная занятость широко распространена и среди российских работников [18; 19]). 2/5 работающих по найму мигрантов работают на основе устных договоренностей с работодателем; даже среди легально занятых таковых 37,5%. В наиболее распространенных видах деятельности чаще встречается практика найма на основе устного соглашения (в строительстве на таких соглашениях работают 44,6% мигрантов, среди работающих в торговле – 49,5%, оказывающих услуги по ведению домашнего хозяйства – 68%). В то же время неформальная занятость практически исключена в сфере образования и здравоохранения, где 9/10 иностранцев работают на основе договоров. Относительно низки характеристики неформальной занятости в коммунальных и социальных услугах, хотя многие письменные договоры трудовых мигрантов с работодателями ничтожны.

Зона неформальной занятости – малый бизнес. На микропредприятиях до 15 человек занято 64,1% работающих на

основе устных соглашений, на малых предприятиях до 100 человек – еще 18,5%. Среди занятых на микропредприятиях половина мигрантов работают на основе устных соглашений с работодателем, в т.ч. с численностью занятых до 10 человек – 54,9%.

Использование социальных сетей из-за доверия им характерно как для мигрантов при поиске работы, так и для отношений трудящегося-мигранта и работодателя. Привычная схема поведения с опорой на социальные связи, а не на формальные основания взаимодействия, характерна для постсоветского пространства, что создает некую «общность» приезжающих и «местных» и наряду с языком служит фактором привлекательности России для мигрантов из стран СНГ.

Неформальная занятость наиболее распространена среди работников из Молдовы, Азербайджана – рис. 1.

Чаще всего свои отношения с работодателем оформляют выходцы из Казахстана и Киргизии, пользующиеся определенными преференциями на российском рынке труда.

Официальное оформление трудовых отношений часто не ставится условием даже высококвалифицированными

мигрантами, полагающими, что доверие и личные связи являются лучшими гарантиями получения более высокого заработка при неформальной занятости. (Неофициальная занятость имеет и свои преимущества – более высокую оплату труда и больше возможностей для трудоустройства).

Неформальная занятость и занятость иностранцев без законных на то оснований, следствие не столько их «выгодности» для работодателя и работника, сколько несовершенства законодательства и, особенно, его правоприменения. Работнику часто невыгодно легализоваться ввиду дилеммы: либо идти на значительные траты денежных средств и времени, покупая патент и сопутствующие необходимые документы, либо экономить и деньги, и время, работая нелегально.

Отсутствие законных оснований для работы, вкупе с неформальной занятостью, способствуют чрезмерной эксплуатации труда мигрантов.

Интенсивность и оплата труда

Мигранты ориентируются на заработок независимо от графика работы и условий

труда, работают интенсивно, с ненормированным графиком. Средняя продолжительность рабочей недели работающих мигрантов составляет 59 часов, причем легальные работники работают даже больше.

Наименьшая продолжительность рабочей недели – у долгосрочных мигрантов (58 часов), несколько больше работают впервые прибывшие в Россию мигранты, а также краткосрочные и циркулярные мигранты (60 часов в неделю). При этом продолжительность рабочей недели обратно пропорциональна величине предприятия и максимальна на предприятиях с численностью занятых до 10 человек – 61 час. (Обследование мигрантов и российских работников, занятых на тех же рабочих местах показало, что режим и продолжительность труда мигрантов могут существенно отличаться от соответствующих характеристик российских работников как вследствие дискриминации первых, так и из-за различных приоритетов этих двух групп работников: для мигрантов более важен заработок, в угоду которому они могут жертвовать и условиями, и характером, и продолжительностью труда [16]).

Имеет место и принудительный труд. Причем основная часть мигрантов сознательно идет на то, чтобы много работать ради заработка. Положение многих мигрантов, в частности циркулярных, которые приезжают в Россию после перерыва и заново ищут место работы, характеризуется неопределенностью и правовой незащищенностью. Еще в более сложном положении находятся только появившиеся на российском рынке труда.

С «мягкими» формами принудительного труда мигранты сталкиваются чаще чем россияне: с обманом об условиях труда сталкивались 21,1% мигрантов и 15,0% россиян, с тем, что заставляли работать

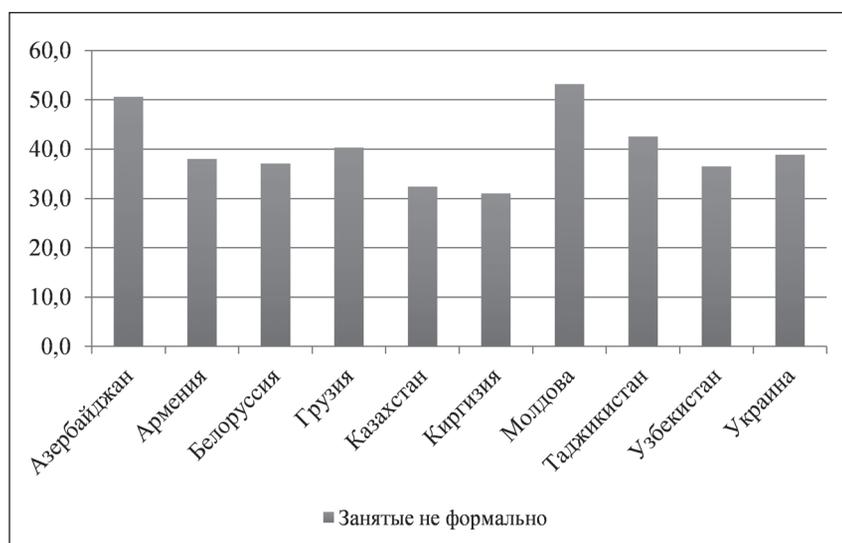

Рис. 1. Доля работников, не формально занятых в российской экономике, по странам выхода, %

дополнительно под угрозой увольнения – 21,1% мигрантов и 13,1% россиян, под угрозой невыплаты или неполной выплаты зарплаты – 20,5% иностранцев и 13,1% российских работников, с принуждением отрабатывать долги, проезд и т.д. – 9,3% мигрантов и 4,6% россиян. При этом внутренние мигранты столь же часто сталкиваются с этими видами принудительного труда, как и иностранцы: с обманом об условиях труда знакомы 25,0% «регионалов» и 14,5% маятниковых мигрантов, с дополнительной работой под угрозой увольнения – 17,3% «регионалов» и 12,2% маятниковых мигрантов, невыплаты или неполной выплаты зарплаты – 17,9% «регионалов» и 24,4% маятниковых мигрантов, с принуждением к отработке долгов – 6,1% регионалов и 9,8% маятниковых мигрантов. С такими формами принудительного труда, как обман относительно условий труда и рабочими обязанностями при приглашении на работу, приезжие россияне сталкиваются чаще, чем даже нелегальные мигранты [16; 20].

При этом интенсивность труда оплачивается: при среднемесячной зарплате трудовых мигрантов в 30,1 тысячи рублей, работники, занятые в образовании, получают 23,5 тысяч рублей, в здравоохранении – 27,6 тыс. рублей (соответственно, на 22% и 8% ниже среднего заработка).

Низкие заработки характерны также для работников коммунальных, социальных и персональных услуг – 26,0%. Относительно хорошо оплачивается труд строителей (34,6 тыс. рублей) и занятых в домашних хозяйствах (31,9 тыс. рублей), для которых характерны не комфортные условия труда и/или неудобный график работ. А больше всего зарабатывают немногочисленные группы занятых финансовой деятельностью, добычей полезных ископаемых, производством и рас-

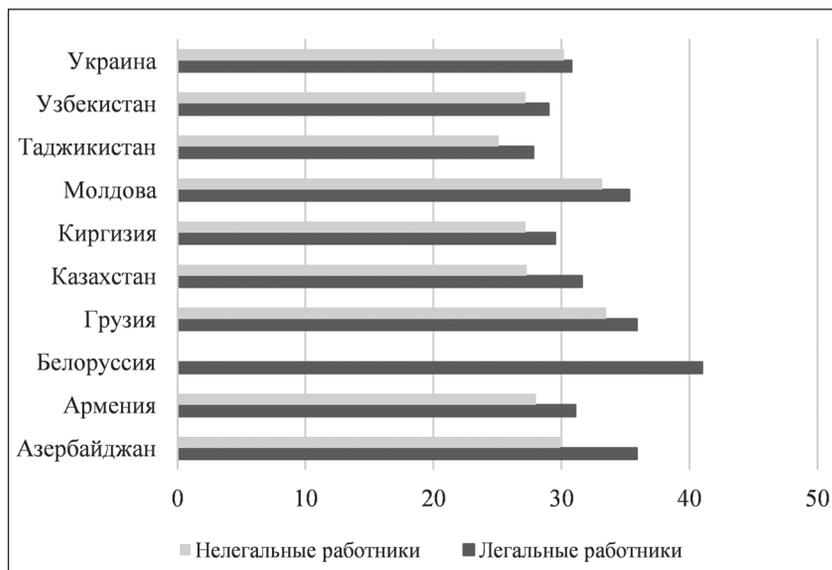

Рис. 2. Среднемесячная заработная плата легальных и нелегальных работников по странам выхода, тыс. рублей

пределением электроэнергии, газа и воды, государственным управлением и обязательным соцобеспечением.

Оплата труда напрямую коррелирует с величиной предприятия: если на микропредприятиях до 10 занятых она составляет 29,3 тыс. рублей, то на крупных предприятиях – 32,8 тыс. рублей.

Причем законно работающие мигранты получают больше не имеющих разрешительных документов в среднем на 10% – рис. 2.

При этом наблюдается прямая связь между оплатой труда законно работающих и нелегально занятых среди работников из всех стран. (За исключением граждан Белоруссии, имеющих те же права на рынке труда, что и российские граждане; доля работающих без законных на то оснований среди белорусских мигрантов мизерна – как правило, это не оформившие регистрацию по месту пребывания/жительства).

После последних новаций в миграционном законодательстве, вступивших в силу с 2015 г. и его правоприменении, законный характер труда стал явно и достаточно существенно оплачиваться, в отличие от предшествующего периода.

Как работодатели, так и респонденты отмечали, что оплата труда россиян и иностранцев одинакова (так ответили 48,6% россиян и 45,7% мигрантов), однако значительная часть респондентов ответили, что у россиян зарплата выше (соответственно, 34,7% российских работников и 37,2% иностранцев), только 3,6% россиян и 3,2% мигрантов считали, что у иностранцев зарплата выше. (Затруднились с ответом 13,1% россиян и 13,9% мигрантов).

На то имеются объективные обстоятельства: существенно меньший опыт работы на конкретном предприятии у мигрантов, чем у россиян, более низкая маржа на приращение образования, а также более низкий уровень образования среди мигрантов играют важную роль в том, что уровень оплаты их труда ниже, чем у местных работников. Однако и почасовые ставки работников, занятых на аналогичных рабочих местах, различаются не в пользу мигрантов [16; 20].

Трудовая мобильность

Основная часть мигрантов, имеющих опыт работы на Родине, приезжая в Россию вынуждены менять вид экономи-

ческой деятельности: только треть из них (33,4%) занимаются тем же видом деятельности, что и на Родине.

Редко продолжают трудиться ранее занятые в сельском хозяйстве, сложно найти рабочие места работавшим в государственном управлении, обеспечении военной безопасности и обязательном соцобеспечении, не востребованным на российском рынке труда и доступ которых к аналогичным рабочим местам ограничен — только 1,2% из них удалось продолжить работать в этой сфере.

Наименее склонны менять вид деятельности, работавшие до приезда в Россию в привлекательных для мигрантов и конкурентоспособных сферах занятости: в торговле, строительстве, гостиничном и ресторанном бизнесе, домашних хозяйствах. Относительно редко меняют сферу занятости и те не квалифицированные работники, которые на Родине работали в коммунальном обслуживании и продолжают трудиться на этом поприще в России — 42,4%.

Не востребованными на российском рынке труда оказались достаточно заметные контингенты, ранее занятых в сфере здравоохранения, в образовании — соответственно, только 22,1% и 8,5% из них продолжают работать в этих сферах.

В массовом порядке мигранты, имевшие опыт работы на Родине, уходят в торговлю, строительство, коммунальные и социальные услуги, домашние хозяйства, в т.ч. квалифицированные работники с опытом работы в здравоохранении и образовании. Подавляющая часть этих работников ныне заняты в торговле (34,8% работавших в здравоохранении, 39,2% — работавших в системе образования), коммунальном и социальном обслуживании (11,8% бывших работников здравоохранения и 42,4% — образования).

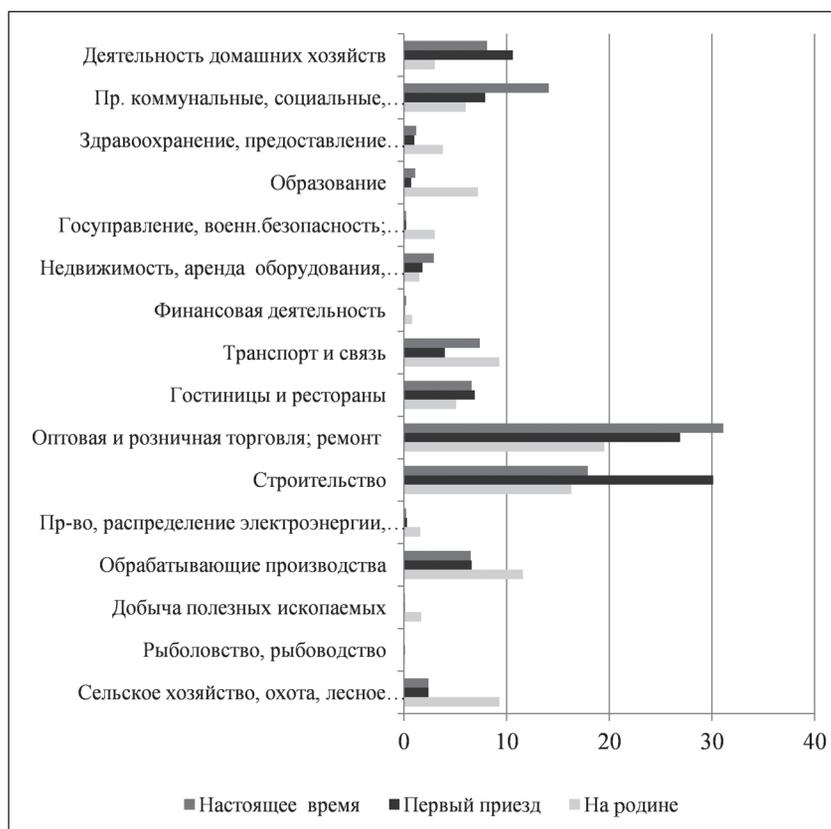

Рис. 3. Виды экономической деятельности респондентов на Родине, в первый приезд в Россию и в настоящее время (N = 5427), в %

Проще всего тем, кто до приезда в Россию были заняты в строительстве, оптовой и розничной торговле, гостиничном бизнесе и общепите, оказывали услуги по ведению домашнего хозяйства — многие из них, впервые приехав в Россию, занимались теми же видами деятельности. (61,1% строителей, 46,6% — работавших в торговле, 38,0% работавших в гостиницах и общественном питании, 33,7% — оказывавших услуги по ведению домашнего хозяйства).

Если выделить группу мигрантов, имевших опыт работы на Родине и продолжающих работать в России, то увидим, что, впервые попадая на российский рынок труда большинство уходят в строительство (мужчины) или торговлю, коммунальные и социальные услуги (чаще женщины) — рис. 3.

Судя по последующим проекциям, строительство не пользуется спросом тех мигрантов, которые могут выбирать мес-

то приложения труда: почти половина нашедших работу в строительстве по приезде в Россию меняет вид экономической деятельности. Напротив, торговля, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг пользуются спросом — рис. 3.

На российском рынке труда не востребованы не только специфические знания и навыки, которыми мигранты обладали в конкретном виде деятельности до приезда в Россию. В первую очередь, не востребованы образование и квалификация работника — рис. 4.

Первая работа в России — чаще всего, не соответствует уровню профессиональной подготовки мигранта, вынужденного соглашаться на любую работу. Более 40% мигрантов, начиная свою трудовую деятельность в России, работали неквалифицированными рабочими.

Типичной траекторией мигрантов, только прибывших в

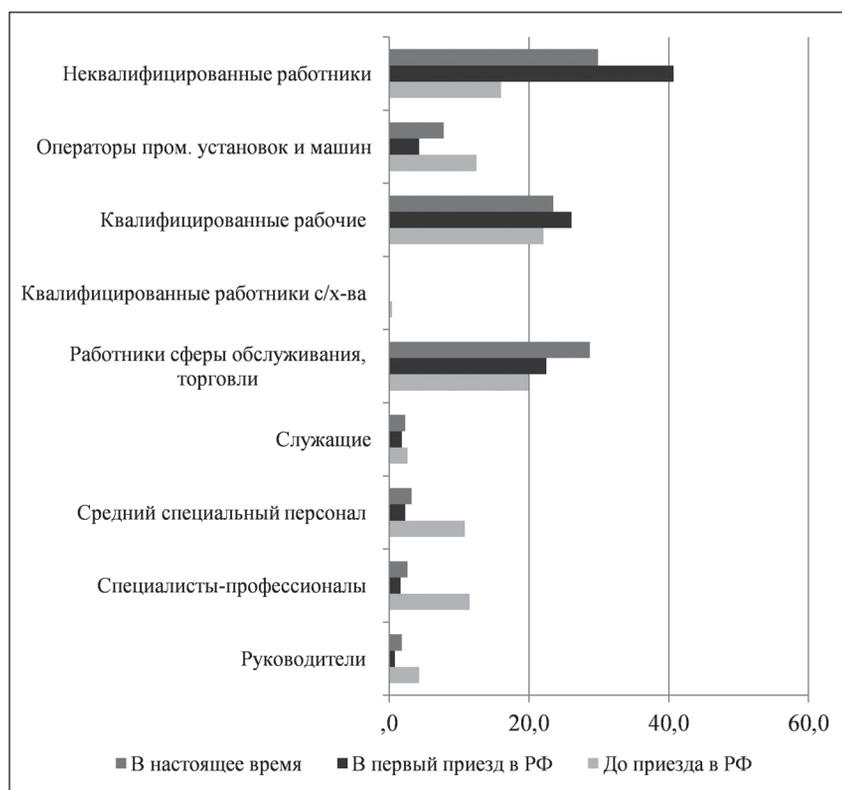

Рис. 4. Занятия респондентов на Родине, в первый приезд в Россию и в настоящее время (N = 5427), в %

Россию, является трудоустройством на менее престижное рабочее место, по сравнению с тем, которое они занимали на Родине. Однако, по мере адаптации, части мигрантов удается вернуться на рабочие места, соответствующие их уровню квалификации и профессиональной подготовки за счет того, что они покидают рабочие места, не предъявляющие никаких требований к их квалификации.

С наибольшими сложностями сталкиваются квалифицированные кадры: среди работавших на Родине руководителей и специалистов-профессионалов (группы 1 и 2 по ISCO-08, лишь 13,6% руководителей и 18,2% специалистов работают на соответствующих рабочих местах в России.

Более детальный анализ, базирующийся на классификации занятий EPG, учитывающей характер труда (умственный, физический, сельскохозяйственный), необходимый уровень образования, количество работников в подчинении

и самозанятость / наемный труд [21], продемонстрировал на данных массового опроса 2011 г., что трудовая мобильность мигрантов имеет, преимущественно нисходящий характер. Более трети топ-менеджеров и управленцев, представителей наиболее статусных групп, занимают самые низкие позиции неквалифицированных рабочих. Только 7,2% менеджерам высшего и среднего звена удается сохранить позиции, занимаемые на родине, для 92,8% из них характерна нисходящая трудовая мобильность. Аналогичная ситуация с работниками, занимавшимися на родине нефизическим рутинным трудом и в массовом порядке (более 90%) пополняющими в России ряды неквалифицированных рабочих [22, с. 16]. При этом более трети работников с неполным высшим и высшим образованием (34,1%) работали полу- и неквалифицированными рабочими.

Основная часть мигрантов не может сменить «плохие» ра-

бочие места. И это обусловлено, среди прочих факторов, и несовершенством институциональной среды: наряду с ограничениями доступа иностранцев к государственной и муниципальной службе, российское гражданство во многих случаях требуется и для работы в бюджетной сфере. В ряде случаев ограничения стимулируют поиск обходных путей, включая получение дополнительного образования, ранее не планировавшегося.

Заключение

Мигранты — один из наиболее мобильных контингентов трудовых ресурсов, чутко реагирующих на изменения на рынке труда и адаптированные к таким изменениям. Более других контингентов мигранты мотивированы к труду: не имея равных условий с россиянами при вхождении в рынок труда и являясь первыми претендентами на вытеснение с рынка труда, они, в условиях изменения конъюнктуры и сокращения вакансий, готовы идти на снижение оплаты, ухудшение условий и характера труда, смену рабочего места.

Дифференциация занятости мигрантов, вертикальная мобильность части из них свидетельствуют, что процесс их адаптации на рынке труда идет небезуспешно. Однако адаптация мигрантов затруднена вследствие существующих правовых и неправовых ограничений, дискриминационных практик. Мигрантофобии, характерные для принимающего населения и часто преломляющиеся в непродуманные действия властей, негативно влияют на ситуацию на рынке труда. Мигранты не только сталкиваются с процедурными и финансовыми проблемами легализации занятости, проблемой становится искусственное ограничение их территориальной мобильности, связанное со сложностями пе-

реезда в другие местности, т.к. большинство мигрантов легализуются посредством покупки патентов, которые не позволяют им работать за пределами региона выдачи.

Новации в российском законодательстве, вступившие в силу с 2015 года, а также процесс интеграции в рамках ЕАЭС, позитивно сказались

на характере занятости: судя по всему, доля работающих без законных на то оснований, существенно снизилась по сравнению с предшествующими годами; в то же время почти треть мигрантов по-прежнему работают в России нелегально.

Нельзя считать нормальной ситуацию, когда значительная часть иностранных работни-

ков работают на неформальных основаниях, что не только способствует чрезмерной интенсивности их труда, но и препятствует социальной адаптации и интеграции мигрантов. На первый план выходят проблемы сужения зоны принудительного труда и расширения доступа мигрантов к достойному труду.

Литература

1. Ю. Флоринская, Н.Мкртчян. Миграция в России: старые тренды, новые проблемы // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 19 (37) Декабрь 2016. URL: <http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-37-786.pdf>.
2. Миграция населения: теория и политика: Учебное пособие / под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012.
3. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года. Статистический бюллетень. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2008.
4. Демографический прогноз до 2035 года Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Дата обращения: 27.06.2017).
5. Миграция и демографический кризис в России / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2010.
6. Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция: как двигаться дальше. Миграционный барометр в Российской Федерации. Серия специальных докладов. М.: Фонд «Новая Евразия», 2011.
7. Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция. Миграционный барометр в Российской Федерации. Серия специальных докладов. М.: Фонд «Новая Евразия», 2011.
8. Тюрюканова Е.В. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Тюрюкановой Е.В. М.: МАКС Пресс, 2011.
9. Тюрюканова Е.В. Трудовые мигранты из стран СНГ в России: трудовая эксплуатация и принудительный труд // Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева: Международное бюро труда, 2006.
10. Sassen, Saskia. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge University Press. 1990.
11. Stalker Peter. Workers without frontiers: the impact of globalization on international migration. Lynne Rienner Publishers. Colorado. 2000.
12. Borjas, George J. The New Economics of Immigration: Affluent Americans Gain, Poor

References

1. Yu. Florinskaya, N.Mkrтчyan. Migratsiya v Rossii: starye trendy, novye problemy. Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. No. 19 (37) December 2016. URL: <http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-37-786.pdf>. (In Russ.)
2. Migratsiya naseleniya: teoriya i politika: Uchebnoe posobie. Ed. O.D. Vorob'evoy, A.V. Topilina. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2012. (In Russ.)
3. Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda. Statisticheskiy byulleten'. Moscow: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki, 2008. (In Russ.)
4. Demograficheskiy prognoz do 2035 goda Rosstat. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed: 27.06.2017). (In Russ.)
5. Migratsiya i demograficheskiy krizis v Rossii. Ed. Zh.A. Zayonchkovskoy i E.V. Tyuryukanovoy. Moscow: MAKS Press, 2010. (In Russ.)
6. Zayonchkovskaya Zh.A., Tyuryukanova E.V., Florinskaya Yu.F. Trudovaya migratsiya: kak dvigat'sya dal'she. Migratsionnyy barometr v Rossiyskoy Federatsii. Seriya spetsial'nykh dokladov. Moscow: Fond "Novaya Evraziya", 2011. (In Russ.)
7. Vorob'eva O.D. Rynok truda i migratsiya. Migratsionnyy barometr v Rossiyskoy Federatsii. Seriya spetsial'nykh dokladov. Moscow: Fond "Novaya Evraziya", 2011. (In Russ.)
8. Tyuryukanova E.V. Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii. Ed. Tyuryukanovoy E.V. Moscow: MAKS Press, 2011. (In Russ.)
9. Tyuryukanova E.V. Trudovye migranty iz stran SNG v Rossii: trudovaya ekspluatatsiya i prinuditel'nyy trud. Prinuditel'nyy trud v sovremennoy Rossii: nereguliruemaya migratsiya i trgovlya lyud'mi. Zheneva: Mezhdunarodnoe byuro truda, 2006. (In Russ.)
10. Sassen, Saskia. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge University Press. 1990.
11. Stalker Peter. Workers without frontiers: the impact of globalization on international migration. Lynne Rienner Publishers. Colorado. 2000.
12. Borjas, George J. The New Economics of Immigration: Affluent Americans Gain, Poor

Americans Lose in Atlantic Monthly. Nov. 1996.

13. Borjas, George J. Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy. Princeton University Press. 1999

14. Teitelbaum, Michael S. Rights Versus Right: Immigration and Refugee Policy in the United States in Foreign Affairs, 1980, Vol. 59. No. 1.

15. Portes A. The informal Economy and Its Paradoxes in The Handbook of Economic Sociology / N.Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton University Press, 1994.

16. Краткий аналитический отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Анализ практик трудовых отношений иностранных граждан (трудовых мигрантов) и их влияния на трансформацию трудовых отношений российских граждан», URL: http://trudprava.ru/images/events/КругСтол%20мигранты%2016.09.2013/Отчет_мигранты-2.pdf.

17. ОКЗ (2014). ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий. (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 # 2020-ст). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/

18. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. «Неформалы в российской экономике: сколько их и кто они? Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. Препринт WP3/2011/06.

19. Радаев Вадим. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир. / Под ред. Теодора Шанина. М.: Логос, 1999.

20. Григорьева Ксения, Мукомель Владимир. Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014.

21. Ganzeboom Harry B.G., Treiman Donald J. Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status // Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio Economic Variables. Edited by Jurgen H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and Christof Wolf. Kluwer Academic / Plenum Publishers, N.Y., 2003.

22. Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / гл. ред. И.С. Иванов. Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013.

Americans Lose in Atlantic Monthly. Nov. 1996.

13. Borjas, George J. Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy. Princeton University Press. 1999

14. Teitelbaum, Michael S. Rights Versus Right: Immigration and Refugee Policy in the United States in Foreign Affairs, 1980, Vol. 59. No. 1.

15. Portes A. The informal Economy and Its Paradoxes in The Handbook of Economic Sociology / N.Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton University Press, 1994.

16. Kratkii analiticheskii otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote po teme: «Analiz praktik trudovykh otnoshenii inostrannykh grazhdan (trudovykh migrantov) i ikh vliyaniya na transformatsiyu trudovykh otnoshenii rossiiskikh grazhdan», URL: http://trudprava.ru/images/events/KrugStol%20migranty%2016.09.2013/Otchet_migranty-2.pdf. (In Russ.)

17. OKZ (2014). ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Obshcherossiyskiy klassifikator zanyatyy. (prinyat i vveden v deystvie Prikazom Rosstandarta ot 12.12.2014 No. 2020-st). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/ (In Russ.)

18. Gimpel'son V.E., Zudina A.A. «Neformaly v rossiyskoy ekonomike: skol'ko ikh i kto oni? Nats. issled. Un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". Moscow: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2011. Preprint WP3/2011/06. (In Russ.)

19. Radaev Vadim. Neformal'naya ekonomika i vnekontraktnye otnosheniya v rossiyskom biznese. Podkhody k issledovaniyu neformal'noy ekonomiki. Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir. Ed. Teodora Shanina. Moscow: Logos, 1999. (In Russ.)

20. Grigor'eva Kseniya, Mukomel' Vladimir. Migranty i rossiyanе na rynke truda: usloviya, rezhim truda, zarabotnaya plata. Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika Ed. V.I. Mukomel' Moscow: Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, "Academia", 2014. (In Russ.)

21. Ganzeboom Harry B.G., Treiman Donald J. Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status. Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio Economic Variables. Edited by Jurgen H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and Christof Wolf. Kluwer Academic / Plenum Publishers, N.Y., 2003.

22. Mukomel' V.I. Politika integratsii migrantov v Rossii: vyzovy, potentsial, riski: rabochaya tetr. Ed. I.S. Ivanov. Rossiiskii sovet po mezhdunar. delam (RSMD). Moscow: Spetskniga, 2013. (In Russ.)

Сведения об авторе

Владимир Изявич Мукомель

Д. соц. н., главный научный сотрудник,
руководитель сектора

ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Эл. почта: mukomel@isras.ru

Information about the author

Vladimir I. Mukomel

Dr. Sci. (Sociology), Chief researcher,
head of the sector

FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: mukomel@isras.ru